

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Автор, Владимир Душкин, начинает повествование напутственными словами своего отца:

«...Подняв оружие в защиту попираемого принципа «Россия», ты уже этим самым жестом доказываешь, что Россия жива... Помни: ваше дело – дело чести. Есть два сорта людей, два мировоззрения – сильные и слабые. Оружие сильных, увы! – их слабость: честь, прямота, великодушие, милосердие. Орудие слабых – их сила – изворотливость, хитрость, вероломство, лицемерие. Я тебя готовил к мироощущению сильных. Старайся им быть...»

Напутствие матери было кратко: будь чист и телом и душой, помни, что в любой момент можешь предстать перед Господом. Мерилом чистоты будет твоя совесть... И мать дала мне иконку – Святой Николай Чудотворец, написанный матерью на перламутровом овале. Я её всегда ношу поближе к сердцу. Она мне уже спасла тело, спасёт и душу...».

И заключительные абзацы:

«Командованием были организованы отправки на работы, главным образом, во Францию... не знаю, как жили «наши», оставшиеся в Болгарии, но знаю, что здесь много-много мне подобных полегло на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа и на кладбищах около «тяжёлой индустрии», в возрасте 35-45 лет, то есть «досрочно»! То была настоящая безжалостная, сухая и враждебная ЧУЖБИНА.

Сейчас хочется стать лицом к самому себе, исповедаться самому себе и задать себе вопрос: согрешил ли я против своего отечества, ради которого отказался от всего, от настоящего и будущего, была эта жертва приятна Богу, благодетельна для моей страны? По всей вероятности ответа я не найду. И если этот вопрос дойдёт когда-нибудь до судей правых и нелицеприятных, может быть, они найдут ответ. До сих пор я шёл туда, куда вела меня моя самая глубокая, ничем не заслонённая совесть...».

Вместе с остатками разбитой белой армии из окривавшей страны ринулась лавина беженцев. Спрашивается, как же должна была откликнуться российская интеллектуальная элита на братоубийственный кошмар, перешагнув границу которого, по описанию Бунина, «...он вырвался из разливанного моря страшных, несчастных, потерявших всякий образ человеческий, буйно и с какой-то надрывной страстью орущих дикарей, которыми были затоплены буквально все станции, начиная от самой Москвы и до самой Орши...». (Бунин И.А. *Окаянные дни*. – Л.: *Художественная литература*, 1990. С.350.)

Она должна была выбирать между гибелью и бегством. Ну, а как бежали, изобразил нам с присущим ему виртуозным сочетанием трагедийности и комизма М.А. Булгаков в своей прославленной пьесе «Бег», созданной им в 1927 году. Он же на страницах своего знаменитого романа «Белая гвардия» гениально развернул трагедию Турбиных – одной из чудесных русских потомственно-интеллигентных семей, ставших жертвами большевистского террора. Это представители тех образованных классов общества, которые даже в роковые годы России не помышляли о бегстве и существовании вне родины.

К таковым, к слову скажу, без сомнения можно причислить и семейство моего деда, Павла Георгиевича Евангулова. Не могли же они предугадать такой разворот событий, о котором тот же И.А. Бунин написал в 1934 году в ответ на анкету, разосланную российским Общественным Комитетом в Польшу:

«Дорогие соотечественники!

Только что получил вашу открытку, спешу ответить на вашу анкету – только на первый вопрос: «Почему мы непримиримы с большевизмом?» – После того, как большевизм так чудовищно ответил сам на этот вопрос всей своей деятельностью своего пятнадцатилетнего существования? Я лично совершенно убеждён, что низменной, лживей, злей и деспотичней этой деятельности ещё не было в человеческой истории даже в самые подлые кровавые времена.

С сердечным приветом

Ив. Бунин,
26.X.1934 г.».

(«Под русским стягом». *Новое русское слово*. №22. 932, 27 марта 1973 г. Из «Вступительной статьи» С.Крыжицкого к «Окаянным дням» И.А. Бунина в издательстве «Заря», Париж, 1973 г. Публикация С.Войцеховского).

В 1917 году отец окончил Петроградский Горный институт и мог быть причислен к ряду тех молодых инженеров из интеллигенции, что рвались отдать свою энергию и только что приобретённые знания избранной профессии. Этому способствовало и домашнее воспитание, с малолетства прививавшее добросовестное отношение к поручениям и труду. Пока же, среди общего развала и ералаша, вызванных постпереворотной гражданской бойней, новые власти то лихорадочно пытались подобрать остатки старых опытных специалистов, то, не доверяя им, вдруг пачками по ленинским указам отправляли за границу. А то просто расстреливали их.

В том же 1917 году состоялась свадьба моих родителей. «Свидетельство о браке» подтверждает, что «Гражданин Евангулов Павел Павлович, было 26 лет, и гражданка Филиппова Нина Васильевна, было 23 года, вступили в брак 30 июня 1917 года, присвоены фамилии Евангулов и Евангулова, место регистрации – церковь Покров Приют».

Вместо этой казённой записи старинные фотографии гораздо эффектнее вырисовывают детали большого события в жизни двух молодых людей: в окружении семьи жениха очаровательно-грациозная юная невеста под фатой с флердоранжем. Здесь же высокая, очень интересная женщина – Анна Ивановна Покровская, моя будущая крёстная мать.

А Нина так была хороша, что до самых преклонных лет мало кто мог пройти мимо, не обратив на неё внимания – высокую, статную, с пепельного цвета густыми волосами на гордо поднятой голове, ярко-голубоглазую, не верившую ни одному слову мужчин, осыпавших её комплиментами.

Брак этот был счастливым. Нежная и пылкая страсть постепенно перетекла в глубокую взаимную привязанность, скреплённую переживаемыми вместе житейскими сложностями и опасностями и воспитанием дочери.

Не последнюю роль в устойчивости и надёжности семейного союза сыграли удивительная прямота, неспособность лгать и присутствие великой силы духа, столь свойственные моей маме.

Родом мама была из небогатой купеческой семьи, глава которой, мой дед Филиппов Василий Яковлевич, умерший в 1916 году, со слов мамы на редкость добрый и уравновешенный человек, владел акциями в Волжском пароходстве, а также красивым двухэтажным каменным домом в Нижнем Новгороде и «имением» в Филевом Плесе, как называла его мама, то есть хозяйственным участком земли с деревянным домом, конюшнями и сараями. Из всего обилия обитавших там животных мама обожала лошадей и собак. И вот фотография: 14-летняя девочка в широкополой шляпе рядом с великолепным пойнтером.

Мама была в семье младшим, 14-м по счёту ребёнком. Выросли девять человек, изумительно крепкие физически и рослые, шестеро мальчишек и три девочки. В большинстве своём дети были похожи на мать Евдокию Ивановну, женщину скандинавской внешности с горделивой осанкой. Из них все юноши и одна девушка (Зинаида Васильевна) получили высшее образование.

Со второй маминной сестрой, Надеждой Васильевной, жившей в Ленинграде, мы за период с 1937 по 1941 год виделись часто.

Один из братьев мамы, Константин Васильевич, получив образование и специальность инженера-технолога, перед самой революцией организовал своё небольшое кооперативное дело (фирму). В 1919-1920 годах он был арестован по обвинению в «противозаконных махинациях» и приговорён к расстрелу. Однако нанятый за большие деньги опытный адвокат при повторном рассмотрении дела сумел добиться оправдания дяди Кости. С конца 1920-х годов до самой смерти Константин Васильевич преподавал, получив профессорское звание, в Ленинградском Текстильном институте.

Когда-то ещё в 1923 году брат отца Сергей Павлович сделал из слоновой кости в подарок дяде Косте барельеф Фёдора Ивановича Шалапина, пылким преклонением перед которым тот отличался. После смерти дяди Кости барельеф достался нам с мамой, как и коллекция пластинок великого певца.

По сию пору находится у меня камешка с изображением прелестного профиля Натальи Николаевны Пушкиной, изваянная Сергеем Павловичем для своей юной невестки.

А на лакированном чёрном фоне коробки, заказанной папой палехским мастерам, сияет в изумрудного цвета платье профильный портрет самой мамы.

Любимый брат мамы Михаил, младший из шестерых мальчиков, мягкий интеллигент, инженер-судострой-

П.П.Евангулов - главный инженер Риддерского горнопромышленного предприятия.

Фото 1927 г.

тель, прожил вместе с матерью и двумя племянниками до конца своих дней (1970) в Горьком. Впрочем, как и остальные братья, он частенько навещался в 20-30-х годах в Москву, навещая семью младшей сестры.

Их появления, особенно старшего брата Леонида, инженера-технолога, большого комика, обычно сопровождалось неподдельным весельем и громогласным хохотом, тем паче в компании папы и Сергея Павловича. Дядя Лёня обладал крупными габаритами (особенно в области живота вследствие любви к пивцу) и белозубо закатываясь в смехе, забавнейшим образом весь колыхался. Не менее комично изображал он для малолетней племянницы неуклюжую девицу, обучающуюся танцам, подпевая: «Раз, два, три – брюхо подбери, талию спрями!...» и так далее. Семейно свою жену Клавдию Прохоровну и двоих сыновей, Вячеслава и Николая, Леонид Васильевич в начале 20-х годов отправил в Германию, вернул их в начале 30-х, после завершения сыновьями в Берлине высшего образования. Коля был арестован в начале 30-х годов (хотел продать коллекцию марок), и его дальнейшая судьба неизвестна, а Слава, живя в Ленинграде, с началом войны заболел туберкулёзом и в блокаду умер. Леонид Васильевич тоже умер в 1941 году в блокаду.

Ещё один брат мамы, Борис, жил со своей супругой Софьей Павловной неподалёку от нас в Телеграфном переулке. Семьи наши были друг у друга завсегда-таями. Позже дядя Боря отсидел с начала 1930-х в лагерях 10 лет за «анекдот». Потеряв там здоровье, он тем не менее дожил до преклонных лет.

Двое других маминных братьев, Вячеслав и Виктор, судя по фотографиям и свидетельствам, – писанные красавцы, погибли на фронтах Первой мировой войны.

Светлая всем им память!

Возвращусь к моей маме. Закончив Нижегородскую женскую гимназию в 1913 году, мама в 1916 переехала в Петроград, где и познакомилась со своим будущим мужем, моим отцом.

Невесёлую и напряжённую обстановку в Петрограде в жаркую пору расцвета юности её поколения мама, правда, скупой, обрисовала в своих воспоминаниях:

«Это было время Первой мировой войны; цены на всё повышались; мне пришлось уйти с курсов и поступить на работу, тем более, что в этом году у меня умер отец, успев поставить на ноги семейство в 10 человек. Работая машинисткой в одной из фирм, я, очевидно, неплохо зарабатывала, так как, помню, имела зимнее пальто, осеннее и летнее, шляпочки, чулочки, перчатки в неограниченном количестве. Обедала каждый день в ресторане на Вознесенском проспекте (позже проспект Майорова)...

В 1917 мы с Павлушей поженились. Время было тяжёлое: хлеб давали по талонам наполовину с отрубями, в магазинах были только овощные консервы. А Невский был заплёван семечками. Квартиры были нетоплены. Мы жили у Калистратовых (дядя моего мужа со своим сыном Юрой) в большой, тоже нетопленной квартире...».

(Продолжение в следующем номере).